

Владимир
КОЛЫЧЕВ

ВОСЕМЬ ЛЕТ
ДО ВЕСНЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Кольчев, Владимир Григорьевич.

К60 Восемь лет до весны / Владимир Кольчев. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. — (Преступные страсти. Криминальные романы В.Кольчева).

ISBN 978-5-04-205573-7

Было у отца четыре сына. Трое — точная его копия — такие же отпетые бандиты. А младший, Леня, словно не родной, тянется к учебе и хозяйству. Но суровые времена не терпят послажек. Привлек отец к криминальному промыслу и младшего сына. На первом же деле получил Леня тяжелое ранение и впал в кому. А как поправился — словно все перевернулось в его сознании. В одночасье из тихого парня стал Леня крутым и беспощадным братком: надо — зарвавшегося авторитета прикончит, надо — конкурентов на место поставит, надо — порядок на зоне наведет. Только в одном оказался Леня бессилён: не сумел вовремя распознать женское коварство. А за подобные ошибки нужно платить по-крупному...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кольчев В. Г., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-205573-7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эпилог вместо пролога

За окном на ярком солнце разгорался новый день, ветер носил от дерева к дереву пыльцу, семена и запах жизни. А в больничной палате, в сумерках вчерашнего дня, блуждала смерть, пахло тоской и безнадеей.

На высокой койке под капельницей лежал молодой мужчина со следами побоев на лице и с перевязанной грудью. Он рассеянно смотрел в пустоту перед собой. В холодных глазах теплилась мудрость старика, насытившегося жизнью. Леониду Сермягову не было и тридцати, но смерть его уже давно не пугала.

Рядом сидел остроносый мужчина в сером костюме. На колене у него лежала кожаная папка. Он нервно постукивал по ней кончиком авторучки.

— Леонид Игоревич, ну зачем же отрицать очевидное? Признайтесь, что убийство — дело рук вашего брата, и мы снимем с вас обвинения.

— Мой брат никого не убивал.

— Вашему брату уже все равно.

— Все равно. Как и другим братьям. Да и отцу. Я всегда был для них гадким утенком. Но это моя

семья. Я никогда никого не сдам. Даже если всем будет все равно.

— Вашему брату все равно прежде всего потому, что он уже мертв.

— Все будут мертвы. Мои братья умрут. Если отец не остановит их.

Взгляд больного остановился, как это бывает с человеком, который теряет связь с реальностью, погружается в бредовое состояние.

— Может быть, нужно остановить отца? — спросил следователь.

— Я никогда не любил его. Но это мой отец.

— Ваш отец — преступник, и вы прекрасно это знаете.

— Все так думают. Но толком никому ничего не известно. Может быть, я расскажу.

Молодой человек закрыл глаза, его губы тихонько зашевелились. Следователь пожал плечами. Он прекрасно понимал, что услышит далеко не все, но все-таки не удержался, поднес ухо. Интерес взял свое. Леонид Сермягов — личность бесславная, но по-своему знаменитая.

Глава 1

В нашей большой семье существовал только один закон — слово отца, с которого начинался каждый день.

Горячая каша уже разошлась по тарелкам. Она была с дымком, но без масла. Оно у нас подавалось отдельно. Добавка не полагалась никому, поэтому

мама уже убрала кастрюлю со стола. Она унесла эту посудину, вернулась и робко глянула на отца. Ее пальцы теребили нижнюю пуговицу старой растянутой кофты с оттопыренными карманами. В одном из них лежал платок, в другом гнездилась всякая всячина вплоть до мусора, который мама мимоходом подбирала за нами.

Дом небольшой, а ртов много — отец, мать и четыре сына. Со всех что-то сыплется. Виталик, например, третьего дня патрон от «нагана» потерял. Мама подобрала его, механически сунула в карман, и только вчера у нее возник вопрос. Отец все объяснил ей. Мама в ответ лишь тихонько вздохнула.

Отец кивнул, хмуро глянул на маму, одной рукой отодвинул стул и приподнял руку, чтобы стукнуть ложкой по миске. Он обвел взглядом нас, своих сыновей, вспомнил о любимице-дочери, которая жила с мужем в другом городе.

— Жизнь нужно прожить так, чтобы люди вспоминали о тебе, уже покойнике, только хорошо, — сказал он, тяжело, с расстановкой, четко проговаривая слова. — А день — так, чтобы на ужин была пища. — Отец замолчал, угрюмо, с явным укором глянул на меня и наконец-то стукнул по миске ложкой.

Смотрел на меня и Валера. При этом он положил в свою тарелку кусочек масла. Больше никто из нас так не делал. Все остальные мазали его на хлеб. В последнее время наша семья жила неплохо. Мы могли бы позволить себе и куда более сытный стол, но у отца имелись свои правила.

Увеличивая свою пайку, ты привыкаешь к хорошей жизни, а плохая может наступить уже завтра. Тогда тебе придется перекраиваться, приспособливаться. Поэтому лучше довольствоваться малым. Так говорил отец.

Я не хотел соглашаться с ним, но мое мнение в семье никого не интересовало. Во-первых, я младший, а во-вторых, отец не очень-то жаловал меня.

Виталик, Валера и Санька внешне отличались друг от друга, но при этом все в какой-то степени походили на отца. Я же уродился весь в мать. Тот же овал лица, высокие прямые скулы, правильный нос. От отца мне досталось только упрямство.

Но не сила. Отец своими ручищами мог согнуть толстый арматурный прут. Мои старшие братья были ему под стать, такие же кряжистые, крепкие. Я семью жилами в руках похвастаться не мог, но так это и неудивительно. Мне тогда было всего-навсего четырнадцать лет.

Юлька тоже похожа была на мать, такая же красивая и статная, но отца это ничуть не смущало. Он точно знал, что Юля его дочь. А вот я появился на свет уже после того, как ему пришлось сесть за ограбление. По срокам я вроде бы и мог родиться от него, но отец так и не поверил маме до конца. Ко мне он относился с недоверием, как будто я был в чем-то перед ним виноват.

Отец учил нас, что жить нужно сегодняшним днем, но при этом думать об ужине, зарабатывать на красивое будущее в меру своих возможностей

и способностей. Насчет возможностей дело обстояло по-разному, зато способности росли вместе с братьями. Старшему Виталику двадцать, Валерке — девятнадцать, Санька на год младше. Все как на подбор крепкие, внушительные, таким на улице на хлебушек не подадут.

Именно попрошайничеством наша семья и зарабатывала себе на жизнь. Мы нищенствовали, пока отец отбывал срок. Братья бродили по перрону, по вагонам, кланчили милостыню. Я тоже участвовал в этом. Сначала братья носили меня на руках, затем водили за ручку. Еще они научили меня хромать, тянуть ножку, и народ велся, одаривал калеку денежкой на пропитание.

Милиция нас гоняла не сильно. Куда серьезней нам доставалось от многочисленных конкурентов. Советский Союз разваливался, деньги обесценивались, народ беднел. Зато у людей появилась свобода выбора. Теперь каждый человек сам решал, что ему протянуть, руку или ноги.

Свое место на паперти моим старшим братьям приходилось удерживать с боем. Давать отпор взрослым «инвалидам» — дело непростое. Но парни с каждым годом становились и сильнее, и опытней.

К тому времени, когда отец вернулся домой, они уже крепко стояли на ногах, сами кланчили подавание и меня заставляли, даже в школу два года не отдавали, чтобы я не прогуливал работу. Однако мама настояла на своем. В девять лет я пошел в первый класс и отказался попрошай-

ничать, за что был избит братьями. Уговорить они меня не смогли, напротив, я еще крепче закусил удила.

Упрямство — отличительная черта моего характера. Со временем к нему добавилась еще и гордость. Я искренне считал, что ходить с протянутой рукой унизительно, и никто не мог переубедить меня в этом.

Впрочем, Виталик очень быстро нашел мне замену. Со временем их выводок малолетних попрошаек увеличился, а там и отец заявился. Он быстро взял общее дело в свои руки, еще больше сплотил семью и выбил с вокзала всех конкурентов. Сейчас там работали только наши попрошайки. А если вдруг возникали проблемы, то Виталик, Валерка и Санька их решали. Опыт по этой части у них был уже большой. Да и ствол появился. Не зря же мама на днях нашла патрон.

А вчера ночью она тихонько плакала на кухне. Я слышал это, но не подошел к ней, не хотел, чтобы братья лишний раз назвали меня маменькиным сыночком.

Завтрак скоро закончится, отец и братья отправятся на дело, а я останусь дома. В огороде работы много, да и дом красить нужно. Мама сама со всем не справляется, здоровье у нее не ахти, быстро выдыхается. Шутка ли, пятерых детей выносить да вырастить. Женщина хрупкая, постоянно на нервах. То сыновья что-нибудь учудят, то мужу вожа под хвост попадет. Отец, когда выпьет, злым становится. От него любому достаться может, кто

под горячую руку подвернется. Одну только Юльку он никогда не обижал. На маму мог руку поднять, а на нее — ни за что.

Говорить за столом позволялось только отцу. Все мы молчали. Слышно было только, как ложки по мискам стучат. Отец ел не быстро, но и не медленно, иной раз причмокивал, чай пил шумно, смачно выдыхал после каждого глотка.

Он учил нас, что есть нужно основательно, сосредоточенно и без жадности. Интеллигентский этикет к черту, ложку мимо рта не проносить. Нельзя ни единой крошке упасть, ни одной капле пролиться. К самой еде нужно относиться с уважением, но без дикого восторга, даже если очень голоден. От отца отставать нельзя, а то можно и не наестся досыта.

Кашу мы съели, чай выпили. Отец оставил в сторону пустую кружку, рукавом вытер губы. Все, завтрак закончен, кто не успел, тот опоздал. Впрочем, успели все. Отцу надо бы дрессировщиком в цирке работать.

— Ну что, свистать всех наверх? — спросил он, пристально глядя на меня.

Отец еще не поднялся из-за стола. Все должны были сидеть и ждать. Закон суров, но это закон.

Он обращался ко мне, но это совсем не значило, что я должен был отвечать ему. Мое дело — молча слушать и ждать его распоряжения.

— С нами поедешь, — сказал отец.

Мама поднялась из-за стола робко, нерешительно, и все же в ее движениях присутствовал

протест. Знала она, чем занимается ее муж и сыновья, но терпела, пока отец не трогал меня. А тут вдруг ворон своим крылом снова коснулся моего плеча.

Но возмущение в бунт не перешло. Отец пресек его резким, сердитым взглядом. Вся решимость вышла из мамы, как воздух из шарика, на который кто-то надавил ногой. Она еще и голову опустила, исподлобья, с надеждой глянула на меня. Как будто я мог и даже должен был сказать отцу «нет».

Я кивнул, соглашаясь с отцом. Мамина голова опустилась еще ниже, но что я мог сделать? Против отца не попрешь. И он будет волком смотреть, и братья затравят. Они и без того были не самого лучшего мнения обо мне, смотрели на меня все как один, предвкушали забаву.

Отец сейчас запросто мог отпустить в мой адрес что-нибудь забористое, но на этот раз оставил свои комментарии при себе. Он кивнул, принимая мое решение, выразительно глянул на Виталика и наконец-то поднялся из-за стола.

С шумом упал стул. Это вскочил Санька. Он мало чем отличался от старших братьев, был такой же круглолицый, щекастый, широконосый. Только вот ушки у него поменьше, чем у других, но очень уж толстые и мясистые, как будто из теста вылеплены.

Виталик поднимался из-за стола так же медленно и степенно, как и отец. Он начальственно глянул на меня и кивком показал на старенький,

но вполне приличный на вид «БМВ», стоявший за окном и призванный подчеркивать новый статус нашей семьи. Это и роскошь, и средство передвижения.

Машину водили все, а мыл ее только я. Каждый вечер за тряпку, сначала изнутри, потом снаружи. Мне и презервативы использованные приходилось из-под сиденья доставать, и запекущую кровь смывать, а вот в пассажиры меня брали редко. Я же отрезанный ломоть, маменькин сынок.

Честно говоря, на дело я особо не рвался, но все равно прежде чувствовал обиду. Однако сегодня мне оказана честь, и я не должен ударить в грязь лицом. Если, конечно, отец и братья не станут заставлять меня ходить с протянутой рукой. На это я не пойду, надо будет, убегу из дома, но ниже плинтуса себя не опущу.

Сегодня мне тоже придется мыть машину, но уже потом, когда я вернусь домой вместе со всеми. Где я буду находиться, что мне придется делать, пока не ясно. Но в любом случае приятного будет мало. Возможно, отец и братья втянут меня в какие-то серьезные разборки. А раз так, то старый кнопочный нож с выкидным лезвием вряд ли мне помешает. Он лежал у меня под матрасом, я брал его с собой всякий раз, когда выходил на улицу погулять. С ножом спокойней.

У машины меня уже поджидал Санька. Он прикрутил клемму аккумулятора, закрыл капот, взял ветошь, с важным видом протер один испачкан-

ный палец, другой и после этого врезал мне кулаком в живот. К счастью, неожиданностью это для меня не стало.

Отец не учил нас драться, но дровишки в огонь подбрасывал. Он заставлял сыновей всегда держаться настороже, быть готовыми к действию. Я знал, что могу получить удар в любой момент. Сама жизнь тренировала мою реакцию. Я давно уже привык подкачивать мышцы живота, на одно только это затрачивал никак не меньше часа в день.

Санька подкараулил меня на вдохе. Я вовремя затаил дух и напряг пресс, а вот в ответ ударить не посмел. Санька мог не понять юмора, а если он разозлится, то мне придется туго. Уж очень твердые у него кулаки.

— Молоток! — сказал Санька, одобрительно улыбнулся и даже открыл заднюю дверь, приглашая меня в машину.

Я кивнул, наклонился, чтобы просунуть голову в салон. В этот момент Санька и поймал меня врасплох. На этот раз я весь скрутился от боли. Хорошо, что корчиться мне пришлось не на земле, а на кожаной мякоти заднего сиденья.

Я еще не отошел от этой жути, когда появился отец. Он бросил на меня взгляд, все понял, но ничего не сказал, только усмехнулся уголками губ. Но это не показалось мне обидным. Отец повел бы себя точно так же, если бы на моем месте корчился сейчас Санька. Но пока до этого было далеко. Мо-

жет, мне уже хватало упрямства и гордости, но вот агрессии пока точно не доставало. Как и смелости, готовности бросить вызов противнику, который был заведомо сильнее меня.

До железнодорожного вокзала мы ехали в тишине. По пути я вспоминал, как ходил этой дорогой пешком, сотни раз, в жару и холод. Раньше я всего лишь попрошайничал, весь в соплях и слезах. Что же ждет меня сейчас? Вдруг мне уже сегодня придется умыться кровавой юшкой?

Но неважно, что будет впереди. Я в любом случае не имел права на трусость. Особенно если будет задета честь моей семьи. Неважно, чем занимаются мой отец и братья. Ведь мне на роду написано быть с ними.

Санька остановил машину недалеко от вокзала, у маленького дощатого павильона, в котором размещалось кафе. Кухня, небольшой зал на три столика, открытая веранда примерно такой же вместительности. Утром кафе утопало в тени большого раскидистого вяза, к полудню здесь уже будет солнечно, а веранда, оплетенная виноградом, так и останется в прохладной полутьме.

Я хорошо знал это место, помнил, как рвался сюда за сосиской в тесте, а зимой согревался стаканом горячего чая. Однажды Виталик заставил меня выпить тут стакан водки. Братья меня тогда едва откачали.

В те времена я еще не знал, что это заведение станет резиденцией отца. Место тихое, уединен-

ное. Неподдалеку работало новое кафе, поэтому случайные люди сюда редко заглядывали. Здесь только для своих. Для меня в том числе.

Я всерьез подозревал, что после фирменного семейного завтрака отец и братья подкрепляются тут, совсем не прочь был подзаправиться сосиской в тесте и выпить кофе с сигаретой. Но в кафе меня никто не позвал. Отец и Валера вышли из машины, а Санька повез меня и Виталика дальше.

— Куда мы? — спросил я.

В ответ Виталик лишь небрежно приложил к губам палец. Он сейчас был такой же крутой, как отец, не давал мне слова и приказал молчать. Дескать, я сам все тебе скажу, когда придет время.

Сразу за вокзальной площадью высился старый пятиэтажный дом с навесными балкончиками. Во двор этого дома Санька нас и привез. «БМВ» он подогнал к самому подъезду, едва не подпер бампером входную дверь. О жильцах дома, которые теперь вынуждены были протискиваться между машиной и скамейкой, Санька не думал.

Мои братья вели себя под стать хозяевам жизни, держались важно, заносчиво, потому как право имели. Во всяком случае, они всерьез так считали. Что и говорить, выглядели эти парни внушительно. Оба в кожаных жилетках, у одного зеленые, у другого коричневые джинсы и ботинки с тупыми дубовыми носками. Такими зуб выбить с одного удара, как дважды два.

Я тоже мог махать ногами, но мои башмаки просили каши, а старые заношенные джинсы по-

желтели от времени. Рубашка и вовсе была курам на смех.

Впрочем, женщина, которая открыла нам дверь, не осудила меня за мой убогий вид. Может, потому, что сама выглядела неважно. Волосы, выжженные перекисью, слиплись и спутались, под глазами темные обводки, на щеках засохшая тушь. Ее нижняя губа лежала на подбородке. То ли она распухла от чего-то и вывернулась, то ли эта особа такой вот манерой встречала не очень желанных гостей. Губы пухлые, длинные, рот нелепо большой. Дрянной фланелевый халат на ней. Его лацканы едва сходились на пышной груди.

Она открыла дверь и глянула на меня с каким-то затравленным пренебрежением. При этом я заметил в ее глазах какую-то добровольную обреченность. Я все свое детство провел на вокзале и знал, как выглядят шлюхи, готовые за копеечку лечь хоть под паровоз. Похоже, эта штучка была из той же серии портовых шлюпок или вокзальных дрезин.

Женщина имела более чем затасканный вид. Черты ее лица, некогда красивого, уже размывались вином, водкой, а то и чем-то покрепче. Она осознавала свою ущербность, наверное, потому и смотрела на меня со дна жизни, хотя и сверху вниз.

При первом же взгляде на нее у меня возникло чувство, что я ее где-то видел. Высокий лоб, густые, красивой формы брови, волнующая линия носа — все это казалось мне знакомым. Вряд ли

эта потаскуха являлась мне в моих эротических снах.

— Уже мелкоту ко мне водите? — спросила она и глянула на меня с блудливой усмешкой.

Эта неземная краса мигом угадала свою выгоду. Куда лучше ублажить чистого мальчика, нежели грязного мужлана.

Женщина широко распахнула дверь и сдала немного назад, но Санька все же толкнул ее в плечо, требуя подвинуться.

— Ленька это, наш младшенький, — пояснил он, заглядывая в комнату.

Виталик ничего не сказал.

Он просто развел полы ее халата, с хитромудрой улыбкой глянул на обнажившуюся грудь и спросил:

— Не тесно? — Брат удивленно глянул на меня и заявил: — Ну чего ты встал тут как истукан? Дверь закрой!

Я кивнул, переступил через порог, взялся за дверную ручку. В это время Санька открыл окно. Порыв сквозняка ударил в дверь, и она с силой захлопнулась. Все бы ничего, но от удара ключ выскочил из скважины и стукнулся о пол. Шлюха усмехнулась, глянула на меня, как на безрукого ушлепка. Она как будто и не замечала, что Виталик стаскивал с нее халат.

Поднимая с пола ключ, я открыл для себя вид снизу. Женщина казалась мне худенькой, но живот явно не соответствовал ее комплекции. Его надула водянка или беременность. Еще я заметил следы от

уколов на ее локтевых сгибах. Беременная шлюха-наркоманка. Ну что ж, вокзальное дно и не такое видало. Да и мне в общем-то не в диковинку.

Из комнаты в тесную прихожую вышел Санька, презрительно глянул на шлюху, кивком показал за плечо и спросил:

— А чего у тебя не убрано?

— Сейчас уберем, — заявил Виталик и усмехнулся.

Взгляд у него замаслился, заблестел, дыхание участилось. Он протолкнул шлюху мимо Саньки и закрылся с ней в комнате. Нетрудно было догадаться, чем он там собрался с ней заняться.

Я и сам заколотился изнутри, где-то стало жарко, где-то твердо, а внизу живота все это слилось в одно. Грязная затасканная шлюха возбудила меня до неприличия. Мое сознание стекло в область животных чувств, и я ничего не мог с собой поделать.

— Хочешь? — спросил Санька, кивком показав на закрытую дверь.

Слова застряли у меня в горле, а кивнуть я боялся. Одно неосторожное движение могло взорвать меня изнутри. Во всяком случае, я чувствовал такую опасность.

— Хочешь, — заявил Санька, глумливо хмыкнул и прошел на кухню.

Я шагнул туда следом за ним.

Там было грязно, на столе засохла всякая мерзость, на полу пепел, банка из-под кофе забита окурками, в мойке громоздилась посуда.

— Ты уберешься тут? — спросил Санька, в упор глядя на меня.

Голая шлюха вывела меня из душевного равновесия, а братец мог добавить. Если Санька хотел ударить меня в живот, то лучшего случая и не придумаешь. Но бить меня он не стал.

— Нет, — зло, сквозь зубы процедил я.

Да, я в своей семье как прокаженный. Сомнительные дела меня не прельщали, в школе я делал успехи, маму любил больше, чем отца, помогал ей по мере сил и возможностей. Но это же не значит, что меня можно макать в грязь лицом.

— Нет?

— Нет!

Санька мог жестоко меня избить прямо на месте. Я это понимал, но уступать ему не собирался. Лучше ходить с выбитыми зубами, чем убираться за какой-то шлюхой.

— Тогда Дуську заставь это сделать.

— Дуську?

Теперь я знал, как зовут эту возбуждающую грязь.

— Скоро клиенты пойдут. На хате должно быть чисто. — Санька достал из кармана пачку сигарет, встряхнул, протянул мне.

Я взял сигарету и шлепнул себя по карманам, давая понять, что ни спичек у меня нет, ни зажигалки.

— Много мы за нее не просим, пять долларов за раз, десятку за час. За день столтник снимаем. А ей только пожрать и дозу на ночь, чтобы от ломки не сдохла.